

ственного прошлаго съ настоящимъ, творецъ «Анны Карениной», свободный художникъ умеръ, и писатель, вмѣсто творческихъ страницъ, навязывалъ міру сухія страницы богословскихъ трактатовъ и пламенные разсужденія о всякихъ общественныхъ неправдахъ. Къ художеству, въ духѣ прежнихъ гениальныхъ созданій, онъ не возвратился и подчинилъ свое творчество цѣлямъ уясненія религіозной истины, поскольку жизнь давала для этого художественный матеріаль; таковымъ же было для него все то, что мучительно противорѣчило правдѣ человѣческихъ отношеній и рѣзало совѣсть мукой и ужасомъ.

Въ художествѣ онъ хотѣлъ, какъ и во всей своей жизни, исходить не отъ самоудовлѣющаго «Я», но отъ сознаваемой высшей правды, служенію которой онъ себя посвятилъ. Въ этомъ была для него радость и спасеніе души отъ отчаянія. И это дало ему христіанство. «Мной ученіе Христа завладѣло», пишетъ онъ, «когда я ясно понялъ, что моя жизнь—не моя, а Того, Кто далъ ее, и что цѣль жизни не во мнѣ, а въ волѣ Его. Это перевернуло меня».

Найдена была новая инерція жизненная, на этотъ разъ такая, которая совпадала со свободнымъ влеченіемъ его души. Двигаться въ новомъ для него направленіи было такъ же естественно, какъ жить. Въ этомъ сомнѣвались